

СОДЕРЖАНИЕ

Примечание от автора	9
Карта	11
Пролог	13
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВЕЩЕЙ	
Десять тысяч вещей	23
Расставание	58
Женщина с дырой в сердце	76
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СЛЕДЫ	
С ношей за плечами	89
Следы	114
Окружили	141
Единственная девушка в лесу	189
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ХРЕБЕТ СВЕТА	
Символ пустоты	219
В снежном безлюдье	250
Хребет Света	269
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. В ГЛУШИ	
Вырваться из клетки	325
Что такое километр	350
Коридор нетронутой природы	379
В глуши	407

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. КОРОБКА С ДОЖДЕМ

Коробка с дождем	433
Голубая глубина	478
В первобытном состоянии	499
Королева МТХ	525
«Мечта об общем языке»	544
Благодарности	564

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВЕЩЕЙ

У моего одиночного похода по Маршруту Тихоокеанского хребта было множество начал. Сначала возникло первое, легкомысленное решение сделать это. За ним последовало другое, более серьезное — *на самом деле* сделать это. А потом было третье начало, состоявшее из многих недель закупок, упаковывания и подготовки к тому, чтобы сделать это. Был уход с работы в качестве официантки, окончательное решение о разводе, продажа почти всего, чем я владела, прощание с друзьями и последнее посещение могилы матери. Была поездка через всю страну, от Миннеаполиса до Портленда в штате Орегон, а через несколько дней — перелет в Лос-Анджелес. Переезд в город Мохаве и еще один — к тому месту, где МТХ пересекает шоссе.

И уже в этой точке в конце концов началось «делание этого», за которым быстро последовало угрюмое осознание, что значило «сделать это». А потом решение перестать «делать это», потому что «делание этого» абсурдно, бессцельно, чудовищно трудно и требовало от меня гораздо больших усилий, чем я ожидала. А я была к этому совершенно не готова.

Однако я действительно начала «делать это» — в реальном мире и реальном времени.

ДИКАЯ

Упорно, несмотря ни на что.

Несмотря на медведей, гремучих змей и помет горных львов, которых я так и не увидела. Несмотря на мозоли, струпы, царапины и ссадины. Несмотря на переутомление и лишения; холод и жару; монотонность и боль; жажду и голод. Несмотря на все великолепие и всех призраков, которые преследовали меня, пока я шла эти 1700 с лишним километров от пустыни Мохава до штата Вашингтон совершенно одна.

И наконец, когда я действительно прошла все эти километры за все эти дни, пришло осознание: то, что я вначале считала началом, вовсе не было никаким началом. В действительности мой поход по Маршруту Тихоокеанского хребта начался не тогда, когда я приняла скоропалительное решение «сделать это». А тогда, когда я даже вообразить его не могла, а именно — на четыре года, семь месяцев и три дня раньше. Когда я стояла в маленькой палате в клинике Мейо в Рочестере, штат Миннесота, зная, что моя мать умрет.

Я была одета в зеленое. Зеленые брючки, зеленая блузка, зеленый бант в волосах. Это был наряд, который сшила мама: она шила для меня одежду всю мою жизнь. Некоторые из вещей были точь-в-точь такими, о каких я мечтала; другие — ничего похожего. Я была не в восторге от зеленого брючного костюма, но все равно носила его — как епитимью, как приношение, как талисман.

Весь тот «день зеленого костюма», пока я сопровождала маму и отца Эдди с этажа на этаж в клинике Мейо, пока она делала один анализ за другим, проходила одно исследование за другим, в моей го-

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВЕЩЕЙ

лове ритмично маршировала молитва. Хотя, пожалуй, «молитва» — неподходящее слово для описания этого марша. Я не была смиренна пред Богом. Я даже не верила в Бога. «Пожалуйста, Боже, смилуйся над нами» — такой молитвы у меня и в мыслях не было.

Я не собиралась просить о милосердии. Я в нем не нуждалась. Моей матери было 45 лет. Она выглядела прекрасно. Уже много лет она была вегетарианкой. Она сажала бархатцы по всему саду, чтобы отпугивать насекомых, вместо того чтобы пользоваться пестицидами. Нас с братом и сестрой она заставляла жевать сырой чеснок, когда у нас была простуда. Такие люди, как моя мать, не заболевают раком. И анализы в клинике Мейо это докажут, посрамив докторов из Дулута¹. Я была в этом уверена. Да кто они такие вообще, эти дулутские врачи? Что такое Дулут? Ха, *Дулут!* Жалкий захолустный городишка с врачами, которые сами не понимают, что они, черт возьми, говорят. Объявляют некурящим сорокапятилетним вегетарианкам, поедающим чеснок, пользующимся исключительно природными средствами, что у них рак легких в последней стадии — вот что такое Дулут.

Да клала я на них с прибором!

Вот это и было моей молитвой: *класприборомкласприборомкласприборомкласприбором*.

И все же — вот здесь, в клинике Мейо, моя мать начинает с ног валиться, если ей приходится простоять больше трех минут подряд.

¹ Город в штате Миннесота.

ДИКАЯ

— Хочешь каталку? — спросил ее Эдди, когда мы наткнулись на целый ряд каталок, стоявших в длинном, выстеленном ковром холле.

— Да не нужна ей никакая каталка! — возразила я.

— Только на минуточку, — проговорила мать, почти падая на сиденье, и на миг ее глаза встретились с моими, прежде чем Эдди покатыл ее к лифту.

Я шла сзади, не позволяя себе ни о чем задумываться. Наконец-то мы шли на встречу с последним из врачей. С «настоящим» врачом, как мы между собой его называли. С тем, которому предстояло собрать всю информацию о состоянии моей мамы и сказать, что правда, а что нет. Когда лифт поднялся на этаж, она протянула руку и одернула на мне брючки, пропуская между пальцами зеленый хлопок собственническим жестом.

— Идеально, — проговорила мама.

Мне было 22 года; в таком же возрасте она была беременна мной. Вдруг возникла мысль: она собирается уйти из моей жизни в такой же момент, в который я вошла в ее жизнь. По неясной причине этот разговор полностью оформился в моих мыслях именно тогда, временно изгнав из них молитву «клала с прибором». Я едва не взвывала от муки. Я едва не задохнулась до смерти от того, что поняла прежде, чем узнала наверняка. Мне предстояло прожить остаток жизни без мамы. Все во мне противилось этому. Я не могла позволить себе поверить в это там, в лифте, — и продолжать дышать. Поэтому я разрешила себе верить в другие вещи. Например, в то, что если врач скажет тебе, что ты скоро умрешь, тебя отведут в комнату со сверкающим полированным деревянным столом.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВЕЩЕЙ

Ничего такого не было.

Нас отвели в смотровую, где медсестра велела матери снять блузку и надеть белую хлопковую рубашку, по бокам которой болтались завязки. Переодевшись, мама взобралась на мягкую кушетку, застеленную белой бумагой. Стоило ей сделать какое-нибудь движение, и всю комнату наполнял шорох и треск бумаги, сминавшейся под ней. Я видела ее обнаженную спину, легкий изгиб плоти ниже талии. Она не умрет. Ее обнаженная спина казалась мне доказательством этого. Я смотрела на этот изгиб в упор, когда «настоящий врач» вошел в комнату и сказал, что моей матери здорово повезет, если она проживет еще год. Он объяснил, что они не станут пытаться лечить ее, поскольку это бесполезно. Невозможно ничего сделать, сказал он нам. Когда речь идет о раке легких, то, что его обнаруживают на такой поздней стадии, — обычное дело.

— Но она же не курит, — возразила я, будто могла отговорить врача от диагноза. Будто рак был разумным существом и с ним можно было договориться. — Она курила только в юности. Уже много лет она не брала в руки сигарету.

Доктор печально покачал головой и продолжал говорить. Ему нужно было делать свою работу. Они могут попробовать облегчить боль в спине с помощью облучения, сказал он. Радиация может уменьшить размеры опухолей, которые растут вдоль всего ее позвоночника.

Я не плакала. Только дышала. С трудом. Намеренно. А потом забыла, что нужно дышать. Один раз в жизни я упала в обморок — от ярости, в возрасте трех лет, нарочно задержав дыхание, потому что не хотела вы-

ДИКАЯ

лезать из ванны. Я была тогда слишком маленькой, чтобы запомнить это. И что же ты сделала? Что ты сделала? — спрашивала я мать на протяжении всего своего детства, заставляя ее снова и снова пересказывать мне эту историю, изумляясь и восхищаясь собственной пламенной силой воли. Она вытянула вперед руки и смотрела, как я постепенно сиңею, — так она всегда отвечала. Она держала меня на руках, пока голова моя не упала ей на ладонь, после чего я втянула в себя воздух и вернулась к жизни.

Дыши.

— А я смогу ездить на своей лошади? — спросила мать у «настоящего врача». Она сидела, плотно сжав ладони, переплетя лодыжки. Уйдя в хижину из себя самой.

Вместо ответа он взял карандаш, поставил его вертикально на край раковины и с силой ударил им о поверхность.

— Это ваш позвоночник после радиации, — сказал он. — Один рывок — и ваши кости сломаются, как сухое печенье.

Мы ушли в женский туалет. Заперлись в разных кабинках, всхлипывая. Не обменялись ни единым словом. Не потому, что мы были так одиноки в своей скорби. Наоборот, потому что мы были в ней слишком едины, как будто у нас было одно тело вместо двух. Я чувствовала, как мама навалилась на дверь всем весом, колотя по ней слабыми ладонями, заставляя вздрагивать весь ряд туалетных кабинок. Потом мы вышли, чтобы умыться, глядя друг на друга в ярко освещенном зеркале.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВЕЩЕЙ

Нас отправили ждать в помещение аптеки. Я сидела между матерью и Эдди в своем зеленом костюме, зеленый бантик каким-то чудом все еще держался на моих волосах. Рядом с нами сидел пожилой мужчина с крупным лысым младенцем на руках. Еще была женщина, чья рука беспорядочно раскачивалась, начиная от локтя. Она придерживала ее второй рукой, пытаясь успокоить. Она ждала. Мы тоже ждали. Еще там была красивая темноволосая женщина в кресле-каталке. На ней была лиловая шляпа и целая горсть бриллиантовых колец. Мы глядели на нее во все глаза. Она разговаривала по-испански с группой людей, собравшихся вокруг нее; вероятно, то были ее родственники и муж.

— Как думаешь, у нее рак? — громко прошептала мне мать.

Эдди сидел по другую сторону от меня, но я не могла заставить себя взглянуть на него. Если бы я на него взглянула, мы оба сломались бы, как сухое печенье. Я думала о своей старшей сестре Карен и младшем брате Лейфе. О моем муже Поле, о родителях и сестре моей матери, которые жили в тысяче миль от нас. Что они скажут, когда узнают. Как они будут плакать. Теперь в голове у меня звучала другая молитва: *один год, один год, один год*. Эти два слова стучали, как сердце в груди.

Столько осталось жить моей матери.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросила я ее. Из динамиков комнаты ожидания раздавалась песня. Она была без слов, но моя мать знала текст и вместо того, чтобы ответить на мой вопрос, тихо запела:

ДИКАЯ

— «Бумажные розы, бумажные розы, какими настоящими казались они», — пела она. Накрыла ладонью мою руку и проговорила: — Я слушала эту песню, когда была молода. Так забавно об этом думать! Забавно, что ту же самую песню я слышу сейчас. Мне бы и в голову не пришло...

Потом сестра выкликнула имя моей матери: ее лекарства были готовы.

— Пойди, заberi их вместо меня, — попросила она. — Скажи им, кто ты. Скажи им, что ты — моя дочь.

Да, я была ее дочерью — но не только. Я была — Карен, Шерил, Лейф. Карен Шерил Лейф. *КаренШерилЛейф*. Наши имена сливались в одно в устах моей матери всю мою жизнь, сколько я себя помню. Она шептала это имя и выкрикивала, шипела и распевала. Мы были ее дети, ее друзья-товарищи, ее начало и ее конец. Мы по очереди ездили с ней на переднем сиденье в машине. «Насколько я вас люблю — *настолько?*» — спрашивала она нас, раздвигая пальцы на пятнадцать сантиметров. «Нет», — отвечали мы с хитрыми улыбками. «Насколько я вас люблю — *настолько?*» — спрашивала она снова, и снова, и снова, каждый раз раздвигая руки все шире. Но у нее никогда не получалось показать это, как бы широко она ни разводила руки. Количество ее любви к нам нельзя было измерить руками. Его невозможно было выразить численно или в чем-то уместить. Эта любовь была десятью тысячами поименованных вещей из все-